

В прошлом году вышла в свет книга воспоминаний актрисы Рины Васильевны Зеленой «Разрозненные страницы». Предлагаем вашему вниманию фрагменты главы «Телевидение», представляющие, на наш взгляд, интерес для читателей.

...К своим выступлениям на телевидении я до сих пор отношусь с чувством ненормального беспокойства и тревоги. Я совсем не сплю за две недели до и одну неделю после выступления. Это происходит еще и оттого, что я уважаю зрителей, каждый раз стараюсь быть для них интересной, придумать что-то (если это зависит от меня).

У телевизионщиков — я их прекрасно понимаю — своя работа, свой план, свои сроки, зарплата, выговоры, премии. Вокруг, в нашей действительности, в нашем мире, так много прекрасного, настоящего — зрелищ и событий, которые необходимо показывать по телевидению.

Я не собираюсь петь дифирамбы работникам телевидения — режиссерам, операторам (и по звуку), сценаристам, художникам и всем остальным. Однако как поразительно, что ведь еще совсем недавно всех этих телепрофессий не было совсем, вообще, как и самого телевизора.

Да, телевидение требует от нас, актеров, особого внимания к себе и к нашим телевизионным выступлениям. Поэтому, когда кому-то придет в голову желание обязательно включить в передачу меня и очень ласковый,

обычно женский, голос по телефону просит меня выступить по телевидению, я в первое мгновение трусливо хочу сказать: «Нет!» Потом совесть побеждает страх и заставляет меня спросить, что именно мне предлагается сделать. Часто слышу ответ:

— Сделайте что-нибудь! Ведь у вас такой репертуар!

На это я отвечаю очень серьезно, что для телевидения я не могу сделать «что-нибудь». Обычно я придумываю специальный номер: готовый материал, который мне предлагают, редко бывает приемлемым.

...Идут годы, а я все еще никак не могу относиться к телевидению профессионально, то есть нормально, как полагается. Не только отсутствие зрителей и их реакции, но сама техника, которая то со всех сторон наезжает на тебя, то куда-то уползает, вся обстановка отвлекает, до сих пор мешает мне чувствовать себя свободно. Выступление в самом трудном концерте на зрительях для меня — обычное большое волнение, а участие в телепередаче каждый раз требует особого напряжения ума и сердца. Я с завистью смотрю на участников самодеятельности, которые перед камерой чувствуют себя свободно и просто, как дома.

Многие люди — писатели, режиссеры, ученые — сразу поняли и оценили появление телевидения в нашей жизни. Своими выступлениями и предложениями они создавали новые программы, необхо-

РИНА ЗЕЛЕНАЯ. ‘РАЗРОЗНЕННЫЕ СТРАНИЦЫ’

димые для людей: «Подвиг», «Кинопанорама», «Клуб кинопутешествий», «Сельский час», «В мире животных», «Очевидное — невероятное» и другие. Программы эти вошли в нашу жизнь, и без них людям трудно представить себе свой день.

Кто меня просто поразил

своим мгновенным и бесстрашным включением в работу телевидения, это Ираклий Андроников. Мне кажется, он помог за эти годы телевизионщикам, как никто. В самое трудное время, когда ничего еще не было придумано, проверено, он смело, не боясь ничего, принес на телеэкран всего себя, со всеми своими находками и выдумками («Слово Андроникова»).

И вот, когда я взволнованно слушаю И. Андроникова и когда меня спрашивают, что это такое, кто это — писатель, ученый, актер? — спрашивают, как определить такую передачу, такое явление, как Андроников, я думаю, начинаю думать теперь, что это и есть то новое телевидение, которое мы начинаем создавать.

Ираклий Андроников — это новый, специальный, специфически телевизионный спектакль. Не шоу, не мюзикл. Это совсем другое. Это такой особенный театр, который мог явиться только вместе с телевидением. И нам он нужен.

...Отдельные зрители, очевидно, недовольны программами. Говорят, что за границей работают все сорок каналов, а программ и того больше. Ну и пусть. А представьте себе, одна старая американка, русская по происхождению, прожившая всю жизнь за границей, приехав к нам впервые, плакала перед телевизором, глядя рядовую для нас передачу о детстве одного современного поэта. Она была поражена, что можно рассказывать о таких

светлых и чистых чувствах и переживаниях. Она сказала потом, что привыкла видеть на экране только цветные преступления, ужасы Хичкока, злобу, жестокость и позорно публичный секс. Что же с ней было бы, если бы она увидела наши действительно добрые передачи?

...Никто из нас не боится, что дети или юноши увидят по телевидению страшные сцены садизма или сексуальной распущенности. У взрослого нормального человека это вызывает рвоту, а душу ребенка может ранить на всю жизнь.

У нас доброе телевидение, и мы можем увидеть, услышать все, что нужно добрым людям. Показывают заморские края и дальние дали Союза, с нами разговаривает космос, и великие ученые сообщают о жизни науки, показывают нам очевидное и невероятное. Я сижу и слушаю, стараюсь понять и горжусь тем, что светила науки разговаривают со мной, делая своими самыми новыми открытиями и мыслями.

Дети могут в специальных передачах для них учиться слушать музыку. Говорит о ней, например, композитор Д. Кабалевский. Дети слушают. Посмотрите на их лица. Они впитывают его слова, они становятся другими людьми. А ведь это телевидение, то есть миллионы детских душ, одновременно впитывающих его чувства. Он, как донор, переливает в них свою любовь к музыке.

Вот что может сделать телевидение!

гов. и показ. М., 1982, 5 аар. 15